СТОЯНИЕ В ПРАВДЕ

БЕСЕДА С ПИСАТЕЛЕМ ВЕРОЙ ГАЛАКТИОНОВОЙ

Дорогая Вера Григорьевна!

Поздравляем вас с юбилеем. Для русских людей слово всегда было опорой, поддержкой, зашитой и отдохновением. Всё ваше творчество — это высочайшие образцы русской литературы, которые по праву стоят в ряду не только отечественной, но и мировой классики. В вас воплощён идеал русской женщины: красота, талант, достоинство, самоотверженность, верность. В день вашего рождения 18 сентября примите слова нашей любви и восхищения вами.

Редакция газеты "ЗАВТРА"

"ЗАВТРА". Вера Григорьевна, вы — одна из немногих современных писателей, чьё творчество неразрывно связано со страной, народом. Герои ваших произведений, как вы однажды выразились, "красивы, дерзки, умелы, отважны — даже в трагичности, даже в нелепости своих судеб". Когда народная, национальная, христоцентрическая система ценностей стала определять вашу жизнь и творчество?

Вера ГАЛАКТИОНОВА. Система ценностей — это данность. Здесь нет начальной точки отсчёта. В самой среде обитания содержится всё — своя вера, своя история, своя живительная речь, богатейшая литература, великие достижения учёных. И ещё на генетическом уровне каждый из нас наследует весь этот сложный багаж, а затем пробует его осмыслить, чтобы развить и претворить в какие-то дела по мере сил. Ведь многим известно то странное чувство узнавания, которое появляется при чтении разных умных книг — мы встречаемся будто с тем, что когда-то, давным-давно, было открыто нам, только немного призабылось. Такое мироощущение писатель В. Личутин называет русским космосом. А можно ли выпрыгнуть из космоса? И, помилуйте, куда?!. Душа существует в связке с тем, что её породило. Она — звено в череде поколений: тут — плюс-минус бесконечность… Что досталось, то и досталось.

Человеку, крещённому в младенчестве, не приходится принимать православие — он в нём существует, как дышит. Прегрешая, впадая в отчаяние, вставая, ошибаясь, он дня не живёт без Бога, даже если этого не осознаёт. Открыто верующая Россия или тайно верующая в периоды гонений на церковь — это ничего не меняет… Я знала именно таких людей, судьбы которых пыталась отобразить. Описывая их жизненный путь как горизонталь, пренебрегать тем, что каждый из них соединяет собою небо и землю, значит чего-то не понимать в своих героях. Таков русский крест…

Бывает, что теперь я встречаю иной тип людей — и не узнаю в них своих, природных. Новые порядки весьма последовательно выбивали из жизни самых вдумчивых, образованных, творчески одарённых людей, для которых чужд режим шоу — режим массовых беснований. И в последнее время что-то не то происходит с нашим народом. Люди, ошарашенные происходящим, не понимают, как противостоять собственному бесправию, куда их насильно ведут ювенальные технологии, ювенальное законодательство … У нас веками считалось: русские долго запрягают, зато быстро едут. Но теперь я вижу другое — если русские слишком долго запрягают, то едут на них.

"ЗАВТРА". Примечательно ваше высказывание о том, что верное художественное произведение в русской литературе не должно вступать в противоречие со Священным писанием. Почему это так важно для вас?

Вера ГАЛАКТИОНОВА. Наверно, потому, что плохо отношусь к изменам. Изменять вере Отцов, изменять своей национальности, Родине, себе — так ведь можно лишиться всего, самого главного в жизни… Опасность противоречия следовало бы, прежде всего, обосновать с позиций богословских. Но это лучше делать священнослужителям. Тут — тема многоступенчатая и очень тонкая.

"ЗАВТРА". Вера Григорьевна, при интерпретации ваших произведений обязательным является знание истории. Можете ли вы сказать, что с этой задачей справляются наиболее серьёзные толкователи вашего творчества?

Вера ГАЛАКТИОНОВА. Когда произведение выпорхнуло из твоих рук, истолковывать его волен всякий, как сочтёт нужным. Оно живёт уже своей жизнью, в которую я обычно не вмешиваюсь. На клевету и хулу не отвечаю никак…

Тут у меня преобладает чувство признательности — особенно к исследованиям литературоведов и критиков Кубанского университета, Ягеллонского университета Польши. У молодых филологов из Московского филологического университета встречаются любопытные работы. Ну, и конечно учёные РАН пока на высоте. О недостаточном объёме исторических знаний у них для понимания моих текстов я бы не сказала.

А вот история как наука — она постигается специалистами на протяжении всей жизни. В архивах таится много того, что не познано современниками. Так, что о конечном знании в этой области говорить, в общем-то, сложно. И проработка тем будущих произведений — это тот труд, который в художественных текстах, как правило, не виден. Но он очень увлекателен.

"ЗАВТРА". В ваших произведениях филологи отмечают "богатейший синтаксис", "искренность, эмоциональность письма", которые опираются на "жёсткую продуманность формы". Ещё большую уникальность вашему творчеству придают тексты, написанные в жанре сюжетного сказа (например, "Большой крест"). На мой взгляд, сказ в современной литературе — довольно оригинальное и смелое творческое жанровое решение. С чем оно связано?

Вера ГАЛАКТИОНОВА. С очарованностью волжским говором, в основе которого сохранился старорусский язык. В семье моих родителей говорили очень правильно. Это была среда технической интеллигенции. Но когда моя сельская бабушка настояла на том, чтобы с детства я жила "при ней", передо мной словно раскрыли ларец с самоцветами — так сияли, переливались, таинственно мерцали слова деревенских соседок и древних старцев. И было в их сказываниях столько житейской и высшей, народной мудрости, что детский мой слух временами изнемогал от этой красоты, от сопереживаний, не соответствующих возрасту.

Иногда моя бабушка Надежда Александровна Пшенцова приводила меня к совсем уж немощным своим знакомым. В их избёнках раскрывались старопечатные книги, неторопливо читалась вслух и обсуждалась житийная, не исправленная реформами, литература, которую мне вобрать в свой разум бывало сложно. Совсем истомившись и соскучившись по более простым смыслам, я спрашивала: "А когда мы пойдём к молодым? Ну, что мы всё к старым да к старым ходим?". Соседки посмеивались: "Кто же тогда нас, стареньких-то, любить будет?".

Позже я стала догадываться, что эта их перенасыщенная образами, густая речь, играющая глубочайшими философскими смыслами, уходит в прошлое поминутно. Она истаивает — молодые в селе уже говорили проще, мыслили практичней. В школе речь учителей и вовсе была современной до стерильности. И в подростковом возрасте у меня стало появляться беспокойство и даже страх, что всё это, услышанное от разных стариков и старух, уже не прозвучит вновь — нигде, никогда. Растворившись в том временном пространстве, их сказывание умрёт — насовсем!

Наверно, это была форма страха смерти, обострившаяся после похорон бабушки, от чего я долго не могла прийти в себя. Я не знала, как мне жить без тёплого участия той, которая ещё до школы выучила меня церковнославянскому языку, а древнее "Сказание об Иосифе Прекрасном и его братьях" с её родного голоса воспринималось мною, как самая любимая детская сказка. Это она читала мне наизусть стихи И. Никитина и А. Кольцова — меж делом, в несуетливых хлопотах по хозяйству…

Наступившее полудетское острейшее одиночество утолялось сильным литературным обезболиванием — погружением в произведения Ф. Достоевского, А. Блока, В. Брюсова. И во взрослом состоянии всё-то я вспоминала о своём долге перед отговорившими людьми: их сокровенное следовало вытащить из небытия, перевести из смерти — в жизнь, непременно, потому что на всём белом свете выполнить это кроме меня — некому.

Один из писателей, хирург по профессии, сказал однажды: "Не понимаю, как устроена твоя голова? В ней должен быть встроен какой-то магнитофон". Но механического переложения на бумагу чужих сюжетов не было. Они, однако, были усвоены в таких больших количествах, что это позволяло составлять, выбирать, сращивать самые различные эпизоды, уже стремясь к своей, задуманной, сюжетной цельности.

А сказовая форма повествования действительно, наиболее трудно выполнимая. Это — как сыграть концерт для скрипки с оркестром, но без оркестра. Методом уплотнения музыкальной ткани, иначе всё будет провисать…

"ЗАВТРА". Современный среднестатистический писатель, критик, журналист, читатель — как он воспринимает такие тексты? Особенно тот, который не обладает глубокими познаниями в истории и языкознании?

Вера ГАЛАКТИОНОВА. Читается сказ, конечно, трудновато. Но тут цель совсем другая — утвердить в литературном пространстве именно ту, народную, русскую речь, которую уже поглотила немота прошлого. На какое-то признание и даже на публикацию этих моих работ я особо не надеялась. Только упорно выполняла свой долг — перед прошлым и перед будущим. Перед вечностью, если хотите…

Но с неожиданной публикацией сказов обнаружился в них и такой, непредвиденный мною, непреднамеренный эффект, который озадачивал поначалу. Ко мне подходили рядовые читатели — то белорусы, то украинцы — со странным вопросом: "Откуда вы знаете наши слова? Они встречались только у наших стариков". Это — где-то на Полтавщине, где-то в Полоцке.

Не сразу, но можно было догадаться, что некогда существовала единая, праславянская матрица, общая для русских, белорусов, украинцев. Да, да — в народных говорах сохранились отголоски нашей единой речевой древней матрицы! А речевой — значит, и мировоззренческой.

"ЗАВТРА". Само собой разумеется, что отстаивание собственной творческой правды, самобытности нерушимых моральных устоев — должно быть девизом писателя любой эпохи. Однако большинство ваших современников легко подстраивались и подстраиваются как под советское, так и постсоветское время…

Вера ГАЛАКТИОНОВА. Ну, и лирическим героем С. Есенина говорилось: "Розу белую с чёрною жабой я хотел на земле повенчать". Тогда человек белой России перековывался в человека безбожного, безнационального. Теперь он перековывается в человека рыночного — общемирового…

Тут вот что наблюдается: искреннее служение даже самой сомнительной идее — даёт свой плод в творчестве, продажность — нет; она рождает уродливые скороспелки, порой эффектные, но совершенно пустые. Поэтому писатель писателю в этом не судья. Вечность сама сотрёт приспособленческое: написанное в угоду земным властям, оплачивающим выгодное для себя литературное направление, или созданное по заказу той части мирового олигархата, которая стремится к захвату новых месторождений, новых ресурсов, новых рынков сбыта…

Да, хорошо оплачиваемое участие в различных политтехнологиях может принести писателю временный успех, подкреплённый бурной рекламой. Только скоро обнаружится, что эти произведения — не русская литература. Подделка под талантливое обманывает думающих людей не долго.

"ЗАВТРА". Существует распространённое мнение, что в последние десятилетия умерли и литературный процесс, и читатель. Как вы относитесь к такой версии?

Вера ГАЛАКТИОНОВА. Мне она кажется преступной. Эти десятилетия — время великого, мученического стояния в правде настоящих русских писателей. Успевших войти в русскую литературу книгами с небольшим тиражом лишь чудом.

Популярность таких писателей, как Николай Шипилов, Илья Кашафутдинов, Юрий Доброскокин, Геннадий Доронин, Игорь Штокман, Павел Юлаев, заглушена. Целый пласт настоящей русской литературы был захлёстнут литературной обильной пеной, раскачивающейся на рыночных просторах доселе. Но перечёркивать эти имена грешно, они есть в литературе. Я же назвала сейчас далеко не всех, создававших свои произведения в недостаточной известности.

Современная русская литература очень богата — была, есть и будет; остаётся ли она под спудом, сотворённая на хлебе, воде да на голом таланте, или успевшая прозвучать хотя бы несколькими настоящими именами. Особенно терпкой она становится в пору лихолетий. Помните? "Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черёд". А ведь целых два поколения почти не знали стихов М. Цветаевой.

Читатели же найдутся всегда, только смотря какие. У литературного ширпотреба их вообще бывает великое множество. Но количество настоящих ценителей подлинного обычно не велико.

"ЗАВТРА". Принято считать, что хороший писатель может стать хорошим журналистом, а вот талантливый журналист может ли стать настоящим писателем?

Вера ГАЛАКТИОНОВА. Большие художники старшего поколения предупреждали нас: в средствах массовой информации художнику опасно работать более двух лет. Иначе навык репортёрства, укоренившись, станет отражаться на всей последующей прозе. А это — торопливая однотипность сюжетов, менее тщательная работа с сокровенными смыслами. Прозаики-репортёры быстро переходят на количество, теряя качество. У них притупляется навык отсева второстепенного…

Но, к счастью, на первом же курсе нас предостерегли ещё и опытные старшекурсники в Литературном институте — передали завет сурового поэта В. Луговского, который грозил пальцем: "Идите мимо временного!"… А В. Луговской — это ведь не только красногвардейские ранние стихи, но и — "Вставайте, люди русские!". Им написаны слова для хора в фильме "Александр Невский"…

На своём опыте В. Луговской знал, конечно, что это за беда — служить временному. Поздняя его лирика иная. Помните? "…Меня укрывает от давних нападок пуховый платок твоего снегопада".

"ЗАВТРА". Но вы работали в журналистике. Этот ваш опыт был не напрасным?

Вера ГАЛАКТИОНОВА. Да, служила. В среднем даже года по три — в редакциях газет и на телевидении. Но уходила на творческую работу при первой же возможности — навёрстывать упущенное с уже обретённым, новым знанием. И Чернобыль, и Карабах, и история Карлага, и каторжный труд металлургов и шахтёров периода разрушения Союза, и горькая участь их семей, — все эти сведения собирались в командировках от газет, от Международного союза журналистов. То, что открывается специальному корреспонденту, того за письменным столом не сочинишь. Но чтобы всё это перевести в художественное воплощение, поднять на более высокий виток осмысления, мне требовались уходы в полную обособленность.

В журналистике есть художники-титаны, которые создают свои романы и повести "с колёс". Однако это — не правило и даже не единичные исключения из правил, а скорее мистическая предопределённость их пути. Мне кажется, они были призваны к такому запредельному служению самим временем катастроф, происходящих с державой. Но силы, которые их ведут, не поддаются моему анализу.

"ЗАВТРА". После исторического факультета Уральского пединститута вы поступили в Литературный институт имени А. М. Горького. Как на вас повлияло обучение в последнем вузе?

«Как мимолётное виденье...»

Вера ГАЛАКТИОНОВА. Появилась возможность прослушать за шесть лет блистательные лекции самых видных профессоров Москвы. Тут, в Литературном институте, нам прививали дух свободомыслия, сбивали провинциальную спесь, давали знания, которые не могли быть обретены ни в одном другом вузе мира. А руководители творческих семинаров относились к нам, как к младшим своим товарищам. Но от собратьев-семинаристов доставалось всем. На обсуждении нового произведения каждый высказывался жёстко. Ты же сидишь — и знаешь: они воспринимают лишь грань из пирамиды твоего повествования. А целое видно только самому автору.

Должна сказать, что публичные эти избиения были весьма полезны. В итоге за годы занятий в семинарах на нас нарастала броня неуязвимости. Мы шли затем со своими рукописями в редакции журналов и издательств в таком душевном облачении, в каком зримо защищают свои ворота разве что вратари хоккейных команд.

Охотников отвергнуть рукопись или исказить её в Москве было предостаточно. И если к отказам привыкаешь довольно быстро, то к попыткам вторжения в текст привыкнуть невозможно. Приходилось иногда забирать написанное, где у тебя выверено каждое слово, и оставаться ни с чем, порой — на годы.

"ЗАВТРА". После выхода вашего трёхтомного собрания сочинений увидела свет новая ваша повесть "Зона ветров". Она опубликована в журнале "Родная Кубань". Почему не в Москве?

Вера ГАЛАКТИОНОВА. Потому, что главный редактор этого журнала, образованнейший критик Юрий Павлов, прежде других среагировал на рукопись. В редакциях столицы она бы могла пролежать долго, возможно — никем не прочитанной. Теперь же на "Зону ветров" уже идёт не плохая критика, в том числе и в Москве. Это не первый случай в истории журнала, когда "Родная Кубань" осмеливалась издать то, что Москва до поры до времени придерживала. Тем журнал и славен.

"ЗАВТРА". Вами как-то было подмечено: "Самая жёсткая идеология — та, которая уверила всех, что её нет". Можете ли вы выделить разные типы писателей-идеологов в отечественной словесности?

Вера ГАЛАКТИОНОВА. Идеология — это система идей, направляющих развитие общества и формирующих программу социальных преобразований. Если людям внушают, что такой системы в государстве нет вообще, от нас скрываются цели её и задачи. Однако вектор её поэтапного осуществления виден всем. Это — разорённые сёла и города, заброшенные, пустующие земли, алчная эксплуатация природных богатств, которые питают роскошествующих олигархов, это стремительное, неуклонное обнищание населения.

Видны и методы управления народом, которого грабят именно сейчас всё более изощрённо. Так садисты зажимают в тиски руку человека и закручивают рукоять до тех запредельных пор, пока тот не взвоет под очередной пыткой. Тогда немного эти тиски ослабляются, но лишь самую малость, давая немного привыкнуть и к этой боли… Всё тяжелее живётся обычным людям. Но в стране есть силы, противостоящие злу. И современный писатель служит либо реальным задачам дальнейшего разграбления страны, задачам истребления и самоистребления народа, либо противостоит им, как умеет. Однако для второго типа пишущих оставлены лишь очень узкие коридоры, не помещаясь в которые такие авторы отодвигаются в тень.

Когда литература — это товар, то рынок прикупает себе немного белой монархической идеи, прокладывающей путь в Россию гогенцоллернам, что позволит в дальнейшем сделать власть олигархата ещё и как бы освящённой свыше. Прихватывает он и немного красного патриотизма с уклоном в сталинизм — олигархат совсем не прочь присвоить себе сталинские методы и полномочия для расправы с неугодными, он предвидит народные волнения. Рынок приобретает немного студенческой оппозиции, управляемой исключительно нео-ельцинистами. Немного православного почвенничества, которое кренилось бы в сторону экуменизма или убаюкивающего "розового христианства" (выражение К. Леонтьева)…

Гораздо большими степенями свободы обладает у нас, как и прежде, либеральная литература. С нею не побалуешь — она под приглядом Запада. А для писателей-государственников современный рынок создаёт в нашей стране лоскутное литературное полотно, якобы независимое, но полностью контролируемое. В этих условиях выборочной подпитки патриотический писатель пытается создать что-то своё, не зависящее от хозяев жизни. Но как только однажды он выполнит эту честную свою задачу, то будет тут же отключён со своей талантливой литературой от достойного жизнеобеспечения, как "не востребованный обществом". Отсюда — чехарда с именами, то возникающими, то куда-то исчезающими. А на вершине всей этой кутерьмы располагаются трое-четверо крупных писателей, которые давно возросли, укоренились в литературе и заняты преимущественно собой. Этих выдающихся фигур вполне хватает рынку, чтобы увенчать пирамиду, на вершину которой взобраться стихийно не сможет никто из ныне пишущих на русскую тему…

Да, самостоятельно мыслящий отечественный литератор, не работающий в строго очерченных коридорах, туда не будет допущен. Пока положение дел таково. Что будет дальше, посмотрим.

"ЗАВТРА". И напоследок, что пожелаете талантам, начинающим тернистый путь Писателя?

Вера ГАЛАКТИОНОВА. Постараться понять себя. Чтобы не ходить чужими путями.

Беседовал Сергей КОРОБОВ

БЕЛЫЙ КОТ НА ВОЕВОДСТВЕ!

БРОДИТ-ЗАВИХРЯЕТСЯ слух о близком подорожании хлеба. Меня как человека, причастного к сельскому хозяйству, часто спрашивают: как там, будет дорожать?

Отвечаю: будет! Хотя нет никаких экономических и вообще материальных причин для повышения цены. Мало того, есть причины для снижения. Зерно, хоть урожай и ниже прошлогоднего, не подорожало. Мало того, у нас в Ростовской области на прошлой неделе цена почему-то даже слегка снизилась. В прошлые сезоны внутренняя цена зерна определялась мировой биржевой ценой. Сегодня, когда экспорт зерна монополизирован и доступен немногим избранникам судьбы, внутренняя цена отцепилась от мировой. И болтается на уровне ниже мировой.

Я могла бы рассказать о разных сортах и категориях, но не буду этого делать, поскольку всё это не имеет ни малейшего значения. Потому что в цене хлеба цена зерна составляет 10-15%. Остальное — различные факторы производства плюс психология. В современной экономике это главнейшая составляющая цены.

Что такое в наше время цена? Уж точно не издержки производства плюс резонная прибыль, как учили в советские времена. Цена в рыночной экономике на насыщенном рынке — это денежная сумма, за которую ты можешь продать товар. И всё! Если ты сумеешь убедить клиента, что "это" стоит "столько", ты молодец и успешник, а не сумеешь — убогий лузер. В современной экономике процентов восемьдесят — психологии. Покупатель вынимает кошелёк и платит за приобретение одной из двух вещей: спасения от опасности (лучше, если удастся убедить его, что не просто от опасности, а от неминучей гибели) и прироста собственной значимости, самооценки. Некоторым особо успешным продавцам удаётся совместить оба фактора.

Чем ниже ценовая ниша и, соответственно, беднее покупатель, тем значимее первый фактор — ужас! Разговоры о том, что, вообще, скоро нам всем "кирдык", повышают цены на простые и дешёвые массовые товары, подтверждая тем самым, что всё действительно очень плохо и создавая предпосылки для новых повышений. Притом все факторы производства этого товара могут находиться на прежнем уровне. А конечная цена растёт! Хлеб, крупы, макароны — принадлежат к этой категории товаров. Стоит прокричать что-нибудь апокалиптическое — тотчас начинают запасать крупы (говорят: соль и спички, но в реальности, скорее, крупы). На этом фоне подорожания ждут, и оно не замедлит явиться. Это и есть то, что называют самосбывающимся прогнозом. И цена на зерно имеет тут второстепенное значение.

Когда имеется ощущение благополучия — как было с начала нынешнего века до восьмого года, — растёт цена на дорогие вещи: недвижимость, мебель и атрибуты модной элегантной жизни. Сейчас цена на недвижимость в неявном виде падает, что, вероятно, и позволяет нашим руководящим органам полагать, что инфляция у нас невелика.

Вернёмся к хлебу. Цена буханки имеет огромное символическое, а не только реальное значение. Хлеб при всех подорожаниях остаётся доступен даже самым бедным. И, признаемся, очень редко для кого именно хлеб — основа рациона. Обидно, что его много выбрасывают. Мне думается, уменьшенный формат буханки позволил бы выбрасывать меньше. Когда-то моя бабушка, знавшая голодные времена, не могла выбросить ни кусочка. Сушила сухари, делала гренки. Сегодня редко кто этим заморачивается. А наличие в доме тостера позволяет меньше выбрасывть неидеально свежий хлеб.

В моё детство, в 60-е годы, в деревнях хлеб часто скармливали скотине (в личных хозяйствах). Это оказывалось выгодно — при низкой цене хлеба. Помню, чёрная буханка стоила 12 коп. Тётя Маруся, у которой мы брали молоко, тащила из лавочки по целому мешку этих буханок. Моя бабушка возмущалась: кормить скотину печёным хлебом — невиданное безобразие. Так что низкая цена на хлеб — не абсолютно прекрасная вещь.

Есть попытки предложить дорогой — как выражаются маркетологи, "премиальный", — хлеб.

На Таганке есть лавочка Германа Стерлигова, экстравагантного бизнесмена-"дауншифтера". Продают самую обычную пищу: хлеб, мёд, но только гораздо дороже обычного, потому как —"экологически чистое". Каравай хлеба — 500 руб. Я попробовала бесплатные мелко нарезанные кусочки — ничего особенного, даже и не вкусно; впрочем, эко-еда и не обязана быть вкусной. Кое-кто покупает. Экология — это модно, а дороговизна повышает самооценку: могу себе позволить, чай не нищеброд. Любопытно, что дорогие обиходные вещи покупают вовсе не богачи (те самоутверждаются не хлебом, а домами и машинами). Я даже термин когда-то придумала: "дорогие дешёвые вещи". Так вот дорогие дешёвые вещи любят покупать люди, слегка приподнявшиеся над бедностью: на дорогую машину не тянут, а вот дорогое мыло или особый хлеб приятно ласкает самооценку. Но покупатели, прямо сказать, эко-лавочку не осаждают.

Так что подорожание будет. Не радикальное. Чем больше о нём говорят — тем быстрее и больше будет дорожать. Собственно, те буханки, что покупаю я, уже подорожали — на 1 рубль: с 34 до 35 рублей.

Татьяна ВОЕВОДИНА

ФОНД ПОДДЕРЖКИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВ "ОСНОВАНИЕ"

ИНН 7838290893
КПП 783801001
ОГРН 1137800008015
ОКПО 56273690
ОКВЭД 73.20 научные исследования и разработки в области общественных и гуманитарных наук
р/с 40703810090270000027
Дополнительный офис "Приморский" ОАО "Банк "Санкт-Петербург"
Кор/с 30101810900000000790
БИК 044030790

Президент — АНПИЛОГОВ Алексей Евгеньевич.

Назначение платежа: "На уставную деятельность".

Благодарим всех за поддержку!

Подписной индекс газеты "ЗАВТРА" — 32525 в Объединённом каталоге "Пресса России"

Газета "ЗАВТРА" зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-22122 от 24 октября 2005 года.

Учредитель и издатель — ООО "Редакция газеты-еженедельника "Завтра" (119146, г.Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII).

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII.
E-mail: zavtra@zavtra.ru Электронная версия: http://zavtra.ru/
Служба распространения: (499) 246-88-52 (т/ф). Служба рекламы: (903) 131-53-97.
Отпечатано в АО "Красная Звезда" (123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, http://www.redstarph.ru, e-mail: kr_zvezda@mail.ru).

Главный редактор Александр ПРОХАНОВ

Приём материалов производится по предварительному согласованию. Тел. редакции: (916) 502-49-86. Общий тираж 50 000 Заказ № 4316-2018 Дата выхода в свет — 19.09.2018 г. Подписано в печать 18.09.2018 г. в 15.00, по графику — в 15.00